

В МИРЕ СЛОВ IN THE WORLD OF WORDS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.211.811.161.1

doi: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-102-115

Из истории лексемы *билет* в русском языке: от слова к прецедентному феномену (на материале произведений Ф. М. Достоевского)

Олег Евгеньевич Вороничев¹, Андрей Владимирович Шаравин²

^{1,2} Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Россия

¹ voonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

² ekliier@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>

Аннотация. В данной статье рассматривается лексема *билет* как одно из наиболее показательных слов, переживших расцвет семантической и культурно-исторической эволюции в русском языке. Анализируются возможные внеязыковые и внутриязыковые причины расширения диапазона лексической сочетаемости и семантического спектра лексемы *билет* во второй половине XIX в., обусловившие постепенное возрастание ее ментального значения, а также истоки утраты ею концептуальной значимости в период после 1917 г. О том, что слово *билет* могло претендовать на статус концепта в русском языке второй половины XIX столетия, можно судить, опираясь на тексты Ф. М. Достоевского, в которых не только показаны широкие возможности лексической сочетаемости анализируемой лексемы, но и даны образцы ее метафорического употребления. В исследовании использовались исторический, описательный, сравнительный методы; семантический и компонентный анализ. Выводы: во второй половине XIX в. заметно возросло количество значений и семантических оттенков слова *билет*, расширился диапазон его лексической сочетаемости и единица достигла пика семантической эволюции: билетом фактически называли любой бумажный листок с каким-либо текстом. Общеязыковая значимость слова постепенно перерастала в концептуальную, что нашло отражение в произведениях Ф. М. Достоевского, в которых представлены лучшие образцы философско-метафорического употребления лексемы, в частности образ возвращенного Богу билета в романе «Братья Карамазовы», ставший прецедентным феноменом в сочинениях русских философов и писателей.

Ключевые слова: билет, лексическое значение, семантика, концепт, метафора, Ф. М. Достоевский

Для цитирования: Вороничев О. Е., Шаравин А. В. Из истории лексемы *билет* в русском языке: от слова к прецедентному феномену (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 5. С. 102–115. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-5-102-115>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

From the history of the lexeme *ticket* in Russian: from a word to a precedent phenomenon (on the material of F. M. Dostoevsky's works)

Oleg E. Voronichev¹, Andrey V. Sharavin²

^{1,2} Bryansk State University Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia

¹ voonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

² ekliier@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>

Abstract. This article considers the lexeme *ticket* as a representative example of those words that outlasted the golden age of semantic and cultural-historical evolution in the Russian language. We analyse possible extralinguistic and intralinguistic reasons for extending the lexical combinability and semantic spectrum of the lexeme *ticket* in the second half of the 19th century. These causes determined the gradual increase in the mental significance of the word, as well as the origins of its loss of conceptual significance in the period after 1917. The fact that the word *ticket* could have the status of a concept in the Russian language of the second half of the 19th century can be proved based on F. M. Dostoevsky's texts. His works not only show the ample lexical combinability of the analysed lexeme, but also provide examples of its metaphorical use. The research employed the historical, descriptive, and comparative methods in conjunction with semantic and componential analysis. The paper concludes that the number of meanings and meaning shades of the word *ticket* increased considerably in the second half of the 19th century. Thus, its lexical combinability extended, and the lexeme reached the semantic evolution peak. As a result, any piece of paper with any text was actually called a *ticket*. The general linguistic significance of the word gradually developed into a conceptual one, which was reflected in F. M. Dostoevsky's writings. His texts contain the best examples of the philosophical and metaphorical use of the lexeme. For instance, the image of a ticket returned to God in the novel "The Brothers Karamazov" became a precedent phenomenon in the works of Russian philosophers and writers.

Keywords: ticket, lexical meaning, semantics, concept, metaphor, F. M. Dostoevsky

For citation: Voronichev O. E., Sharavin A. V. From the history of the lexeme *ticket* in Russian: from a word to a precedent phenomenon (on the material of F. M. Dostoevsky's works). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(5):102–115. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-5-102-115>.

Введение. В данном исследовании, выполненном в большей степени в русле лингвокультурологии, лингвостилистики и исторической лексикологии, используется широкоупотребительный сегодня в языкознании термин *концепт*. При всем разнообразии современных его интерпретаций («квант знания»¹ [Алефиренко 2002: 17], «первосмысл, первообраз, архетип, константа» [Колесов 2000: 53], ментальная презентация, «которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» [Бабушкин 1996: 16] и др.), в целом не противоречащих друг другу, а дополняющих и расширяющих представление о концепте как сложном и разноаспектном понятии, настоящее исследование опирается на лингвокультурологическое понимание, согласно которому *концепт* рассматривается как основная ячейка «культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1965: 41], «единица культурологии» [Карасик 1996: 40], «единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001: 70–71].

Значение слова — не только лексическое, но и эпохальное, возводящее данную лексику в ранг концепта, определяемого

и как «сгусток культуры в сознании человека»², под влиянием экстра- и интралингвистических факторов способно постоянно эволюционировать. Действие закона экономии языковых средств в области лексики чаще всего приводит к тому, что для нового плана содержания находится «старый» план выражения, т. е. у слов в узусе возникают и развиваются новые значения. Однако, поскольку лексический и — в целом — тезаурусный статус слова изменчив в зависимости от различных внутриязыковых процессов и — в еще большей степени — от внеязыковых, в первую очередь историко-культурных, возможен и обратный процесс: постепенное сужение границ семантического поля и, как следствие, утрата концептуальной значимости словом, которое уже пережило «расцвет», пик своей семантической и лингвокультурной эволюции. Анализу одного из таких слов — лексемы *билет*, причин «взлета» и «падения» ее актуальности в языке посвящена данная статья.

Методы исследования. В статье использовались исторический, описательный, сравнительный методы, а также методы семантического, компонентного и нарративного анализа.

¹ Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. С. 90.

² Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997. С. 40.

Материалы для исследования взяты из Национального корпуса русского языка³, текстов произведений Ф. М. Достоевского⁴, «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссария»⁵, «Словаря языка Пушкина»⁶, статей в толковых словарях русского языка XVIII–XX вв.⁷, «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера⁸, сочинений русских писателей и философов.

Анализ. У лексемы *билет* в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (СОШ) и в словаре А. П. Евгеньевой (МАС-2) зафиксированы четыре значения, актуальные для языка постсоветской эпохи и первой четверти XXI в.:

1. Документ, удостоверяющий право пользования чем-н. — разовый или на определенный

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (НКРЯ) (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ Тексты Ф. М. Достоевского цит. по: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

⁵ Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. 964 с. (Идиоглоссарий).

⁶ Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. I: А–Ж / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 976 с. (СП).

⁷ Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1985. Вып. 2 (Безпристрастный — Вейер). 247 с.; Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 т. Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847. 416 с. (СЦСРЯ); *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. I: А–З. М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. 723 с.; Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. I / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ГИСЭ, 1935. 1562 стб. (ТСУ); Словарь русского языка: в 4 т. Т. I: А–Й / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с. (МАС-2); *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с. (СОШ); *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. I: А–Л. М.: АСТ, 2006. 1165 с. (ТСЕ).

⁸ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. I (А–Д) / под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987. 576 с.

срок. *Железнодорожный б. ... Б. в театр, цирк...*
2. Документ, удостоверяющий принадлежность к какой-л. организации, партии, отношение к каким-л. обязанностям. *Партийный б. ... Военный б.* 3. Бумажный денежный знак. *Б. государственного банка...* 4. Листок, карточка с каким-н. текстом. *Пригласительный б. Экзаменационный б. ... Лотерейный б.*⁹

Третье значение помечено в словаре А. П. Евгеньевой как устаревшее, «обычно с определением»¹⁰, т. е. количество актуальных сегодня ЛСВ фактически сократилось до трех. Толковый словарь Ушакова (ТСУ), отражающий русскую лексику периода после 1917 г. и довоенных лет, содержит лишь одну — универсальную, недифференцированную — узкую дефиницию: «документ небольшого формата, выдаваемый в удостоверение определенного права. *Лотерейный, театральный, железнодорожный билет. Входной билет. Билет на получение чего-нибудь. Билет на право чего-нибудь*»¹¹, что может свидетельствовать о значительном сужении диапазона лексической сочетаемости слова, а также, как следствие, снижении частотности его употребления и утрате значительного количества семантических оттенков в языке советской эпохи. Прежде всего это объясняется уходом в пассивный запас после 1917 г. сначала из разговорно-бытовой речи, а затем из художественной и публицистической «финансового» значения¹². На смену дискредитировавшим себя, обесценившимся кредитным билетам пришли надежные советские рубли, что отражено в воспоминаниях современников:

Обнародован декрет Совнаркома о выпуске новых денежных знаков под наименованием «Государственные денежные знаки РСФСР

⁹ СОШ. С. 47.

¹⁰ МАС-2. Т. I. С. 90.

¹¹ ТСУ. Т. I. С. 140.

¹² Слово *билет* по традиции использовалось в советскую эпоху (до 1992 г.) и сохраняется в настоящее время как часть составных наименований (реквизитов банкнот) *Билет Государственного Банка СССР* и *БИЛЕТ БАНКА РОССИИ*, а также, как следствие, в профессиональной речи работников финансовой сферы, но в разговорной, публичной и художественной речи в значении «банкнота определенного достоинства» практически не употребляется, что подтверждает помета «устар.» у «финансового» значения в МАС-2.

образца 1922 г.», причем рубль этого знака приравнивается к 10 000 р. кредитных билетов расчетных знаков всех прежних выпусков (Н. П. Окуне в. Дневник москвича, 1921)¹³.

Революционные события в социуме закономерно сопровождались революционными изменениями в языке. На фоне радикальных преобразований в области графики и орфографии, «триумфального нашествия» аббревиатур и других броских языковых примет нового времени постепенный уход в прошлое «финансового» значения слова *билет* (одного из двух исконных, ядерных ЛСВ) остался в тени, но именно он стал своего рода семантическим «детонатором», повлекшим за собой снижение актуальности ряда других широкоупотребительных значений и семантических оттенков, кардинальное сужение семантического поля, во многом обусловленное и тем, что «часть составных наименований, включающих лексему *билет*, вышла из употребления в современном языке в связи с исчезновением понятий, ими обозначаемых: *скорбный б.*, *адресный б.*, *квартирный б.* и др.» [Дягилева 2008: 166]. Возможной причиной того, что сегодня в активном употреблении фактически остались только три ЛСВ данной лексемы, могло быть восприятие в Советской России слова *билет* в ряде значений отчасти как «старорежимного», в котором в речи аристократии «сочетания с лексемой *билет* широко употреблялись в повседневной жизни, функционально обслуживая сферу этикета. Широкое распространение имели *визитный б.* (в XVIII в. ~ визитерный б.), *похоронный б.*, *свадебный б.*, *пригласительный б.*, *б. почетного посетителя*, *б. для входа на бал*, *б. для входа в музыкальный клуб*, *б. в Публичную библиотеку* и др.» [Там же]. Подтверждение этому предположению находим в художественных и публицистических текстах начиная с 1917 г. Так, в статье В. В. Маяковского «Только не воспоминания» [Маяковский 1959: 151], опубликованной в 1927 г., цитируется частушка, свидетельствующая о пренебрежительном отношении народа к обесцененным (не только в экономическом, но и в аксиологическом плане) царским биле́там-ассигнациям:

Четвертной лежит *билет*,
А поднять охоты нет.
Для ча́ этот мне билет,
Если в лавке хлеба нет?!

Об обесценивании иронически писал в 1923 г. А. Н. Бенуа:

Это видно уже из того, с какой тщательностью, с какой претензией на изящество печатают пятитысячные, десятитысячные и стотысячные кредитные *билеты*, ныне равняющиеся феннигам. (А. Н. Бенуа. Дневник).

Косвенным подтверждением утраты лексемой *билет* в советскую эпоху ореола ментально значимого слова может служить и тот факт, что, при всей ее общеупотребительности сегодня в указанных выше трех актуальных значениях, в НКРЯ она не входит не только в 500 наиболее частотных лемм, но и в 500 наиболее частотных существительных.

В Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой (ТСЕ), где насчитывается наибольшее количество (7) узуальных ЛСВ лексемы *билет*, второе из занесенных в СОШ и МАС-2 актуальных сегодня значений разделено на два самостоятельных ЛСВ и во втором значении отмечен семантический оттенок:

2. Документ (обычно в виде книжечки), удостоверяющий принадлежность к какой-л. организации, партии; 3. Документ, удостоверяющий, что данное лицо работает или учится где-л. // Документ, удостоверяющий какие-л. права или обязанности такого лица.

Кроме того, зафиксированы четыре устаревших значения:

4. Бумажный денежный знак. 5. Листок, карточка с текстом определенного назначения. 6. Квитанция, удостоверяющая посещение врача, учителя и т. п. и служившая документом при оплате (в Российском государстве до 1917 г.). 7. Документ, заменявший паспорт, дававший право на жительство, выезд и т. п. (в Российском государстве до 1917 г.)¹⁴.

Тот факт, что сегодня слово *билет* в силу как интра-, так и – в большей степени – экстралингвистических причин сузило диапазон лексической сочетаемости и утратило целый ряд эпохально значимых дефиниций и/или семантических оттенков и коннотаций, дает основания

¹³ Здесь и далее примеры взяты из НКРЯ (если не указан другой источник).

¹⁴ ТСЕ. Т. 1. С. 168.

квалифицировать с позиций современно-го нам русского языка одни его устаревшие ЛСВ как **лексико-семантические историзмы**, другие — как **лексико-семантические архаизмы**. На страницах произведений русских классиков XIX в. лексико-семантические историзмы и архаизмы становятся *историзмами и архаизмами времени*, т. е. словами, устаревшими «лишь для нас, но которые во время написания анализируемого произведения такими не были» [Шанский 1972: 157].

Например, в книге Ю. А. Федосюка «Что непонятно у классиков...» объясняется значение терминологически устойчивых словосочетаний, называющих такие не существующие сегодня виды ценных бумаг, как *кредитные билеты*, *депозитные билеты*, *ломбардные билеты* (например: *Накуплю я себе билетов, положу в верное место и стану пользоваться процентами: ни заботушки мне, ни горюшка, отрезал купончик — пожалуйста, денежки!* Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы) [Федосюк 2004: 57–59], в составе которых слово *билет* выступает как лексико-семантический историзм. В «Горе от ума» А. С. Грибоедова¹⁵ в речи Фамусова лексема также употребляется в историческом значении «квитанция, служившая документом при оплате услуг врача, учителя и т. п.»:

Берем же побродяг, и в дом, и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.

Вместе с тем лексема *билет* в XIX в. активно использовалась в значении «удостоверение, пропуск»: *Часовой принял от меня билет и отправился к коменданту*¹⁶; также *билетом* (и диминутивом *билетик*) называли бумажный рубль: *За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно*¹⁷. Эти ЛСВ следует квалифицировать уже как лексико-семантические архаизмы.

¹⁵ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Горе от ума. СПб.: Нотабене, 1995. С. 19.

¹⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8(1). М.: Воскресенье, 1995. С. 464.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 6. Л., 1973. С. 9.

Как видим, в XIX в. лексема *билет* обладала весьма широким семантическим полем, что, в частности, «привело к образованию большого числа составных наименований, различающихся по способам и формам связи» [Дягилева 2008: 163]. Лексема имела в русском языке XIX столетия несравнимо большую употребительность (это подтверждают и приведенные в ТСЕ исторические значения), позволяющую отнести ее к словам, претендовавшим на статус культурного концепта — многомерного смыслового образования, «в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2002: 129].

Чтобы прийти к выводу о возможном статусе лексемы *билет* как лингвокультурологически значимом понятии именно в XIX в., целесообразно проследить эволюцию семантики слова на русской почве.

В Этимологическом словаре М. Фасмера находим, что лексема *билет* фиксируется в русском языке с 1720 г., заимствована из французского *billet* «билет, записка» через «польск. *Bilet* или нем. *Billett*»¹⁸. Лексема имеет латинский корень: от *billettum*. Так в Древнем Риме называли маленький листок бумаги, который показывали на входе в театр. В свою очередь *billettum* восходит к латинскому *bilis* — «двойной, двухсторонний» (изначально билеты содержали информацию на обеих сторонах листка). Слово *билет* того же этимологического корня, что и *булла* — указ римского папы (в латинском языке *bull* значило «предписание с подвесной печатью»), *билль* — проект закона, вносимый правительством Англии для рассмотрения и утверждения в парламент.

В НКРЯ лексема *билет* фиксируется только начиная с 1760 г.:

Потом г. Канцелярии советник Тауберт объявил словесно: сего-де марта 7 числа Ингерманского полку квартирмейстер, приходя в дом дворян Демидовых, где Библиотека и Кунсткамера, требовал об отводе по данному ему от Главной полицмейстерской канцелярии *билету* для постановления солдат покоев [М. В. Ломоносов. Выписка из журнала Канцелярии АН о недопущении воинского постоя в здании кунсткамеры (08.03.1760)].

¹⁸ Фасмер М. Указ. словарь. С. 576.

В Словарь Академии Российской (1789–1794) лексема *билет* не вошла, поскольку к концу XVIII столетия она еще, по-видимому, не стала широкоупотребительной. НКРЯ отмечает «взлет» употребительности слова *билет* только в документах с 1770 по 1775 г. в значении ‘пропуск’, что объясняется вспыхнувшей тогда в России эпидемией моровой язвы и объявленным по этой причине в Москве и Санкт-Петербурге карантинном.

В Словаре русского языка XVIII в. зафиксированы два основных значения лексемы *билет* с различными семантическими оттенками: 1) «бумага, записка, жетон какого-л. назначения (бумага с официальным распоряжением, приказом)», «пропуск, разрешение (для проезда, прохода, вноса чего-л.)», «пропуск на какое-л. зрелище, увеселение; письменное приглашение куда-л.», «свидетельство о чем-л.», «письменное объявление, сообщение», «квитанция», «записка, короткое письмо», «бумажка с какой-либо пометой, номером»; 2) «денежный бумажный знак; ценная бумага»¹⁹. Очевидное различие этих двух значений, по-видимому, должно было (при условии сохраняющейся в языке актуальности каждого из них) впоследствии привести к их омонимическому обособлению, но второй ЛСВ ушел в пассивный запас ранее, чем в лексикологии были разработаны теоретические основания и методы разграничения полисемии и омонимии.

В письме Е. В. Фонвизиной, матери писателя, от 9 февраля 1764 г. встречаем употребление слова *билет* в первом значении (с семантическим оттенком «пропуск на какое-л. зрелище, увеселение; письменное приглашение куда-л.»): *В четверг будет кавалерская трагедия. Хочется и мне промыслить билет, да не знаю как* [Фонвизин 1959, II: 333]. В «Прискорбном поведении» Андрея Борисова (1787 г.) находим лексему *билет* во втором (финансовом) значении:

Немошныя вопиють, что стужа и дожди послѣднюю ихъ крѣпость измождаютъ и симъ ко гробамъ путь являютъ. Коснемся ли сѣчения деревь для вознаграждения имъ покоевъ, и тутъ воли нѣсть. Аще и за землю ту довольныя деньги даются, на ней же ростеть нашъ собственный

лѣсъ, но да возьмемъ во градѣ *билетъ* и да заплатимъ попенныя деньги — со всякаго древа денежную десятину [Охименко 2008: 519].

В XIX в. некоторые из семантических оттенков первого из указанных выше значений стали отдельными ЛСВ, что подтверждают Словарь церковно-славянского и русского языка (СЦСРЯ) 1847 г. и Толковый словарь Даля издания 1880 г.:

БИЛЕТЪ а, с. м. 1) Письменный или печатный видъ, выдаваемый для засвидѣтельствованія чего-либо. *Билетъ на жителъство, на постой, на выездъ*. 2) Свидѣтельство, выдаваемое кредитными установленіями въ пріемъ денегъ, внесенныхъ для приращенія процентами. *Банковъ билетъ. Ломбардный билетъ*. 3) Листочекъ или карточка для входа куда-либо или для полученія чего-либо. *Билетъ для входа въ театръ, въ библіотеку. Билетъ лоттерейный. Билетъ на получение книги*. 4) Карточка съ именемъ дѣлающаго посѣщеніе. *Визитный билетъ*. 5) Карточка съ приглашеніемъ присутствовать при чемъ-либо. Приглашенный билетъ на свадьбу, на балъ, на похороны. — *Скорбный билетъ*, зн. въ больницахъ: дощечка, висѣщая надъ кроватью съ именемъ больнаго и съ показаніемъ его болѣзни²⁰.

БИЛЕТЪ м. франц. вообще письменный видъ. *Билетъ на отлучку*, выдается податному сословію на гербовой бумагѣ; *билетъ на постой, на выездъ*, простой полицейскій видъ; *билетъ банковый, ломбардный*, свидѣтельство въ пріемъ денегъ върительнымъ заведеніемъ; билетъ на входъ куда, на полученіе чего, на сплавъ лѣса, на вырубку лѣса, и пр. ярлыкъ, записка. *Визитный билетъ*, карточка, с именемъ посѣтителя, не заставшаго хозяина; *пригласительный билетъ*, записка; *скорбный билетъ*, надпись надъ кроватью больнаго, въ больницахъ. **Билетный**, относящийся къ билету; — солдат, временноотпускной, небезсрочный. **Билетчикъ** м. дѣлатель билетовъ, напр. фальшивыхъ видовъ, промышляющій подложными видами; || хозяинъ билета, отпускной по билету²¹.

Еще два актуальных в XIX в. значения слова *билет* находим в Словаре языка А. С. Пушкина:

4. Удостоверение, пропуск (4). ...К Бибикову являлось в день до четырех тысяч раскаявшихся крестьян; им выдавали билеты, и всех распускали по домам. ИП 44.16. 5. Бумажка, с какой-н. пометой, номером (1). Начнем сызнова; кинем

¹⁹ Словарь русского языка XVIII века. С. 22–23.

²⁰ СЦСРЯ. С. 46.

²¹ Даль В. И. Указ. словарь. С. 88.

жеребий, кому стрелять первому. — Наконец мы зарядили еще пистолет: свернули два билета; — и вынул опять первый номер. — В 74.⁵²²

Проведенный анализ различных словарных дефиниций, отражающих семантическую эволюцию слова *билет* в русском языке, позволяет прийти к выводу, что к середине XIX в. некоторые бывшие семантические оттенки стали самостоятельными ЛСВ, существенно расширилось семантическое поле лексемы, в результате чего развились уже новые значения и оттенки и слово *билет* стало использоваться для наименования практически любого листа (не только бумажного, так как *билетом* (*визитным*) называли еще и табличку на входной двери с указанием ФИО проживающего по данному адресу, и жестяной номер извозчика²³, и т. п.), на котором есть какой-либо письменный или печатный текст (ср.: *письменный или печатный видъ* в СЦСРЯ и вообще *письменный видъ* (*видъ* = форма) у Даля). Это и бумажные деньги, и облигации, и бумаги справочного характера или что-либо удостоверяющие: права и обязанности лица, его социальный или профессиональный статус, членство в какой-л. организации, участие в лотерее, возможность проезда в транспорте, проживания на квартире (*билет на постой*), посещения какого-либо зрелища или мероприятия, получения платы за услуги, кредитные или долговые обязательства; и листок с текстом шуточного содержания, прикрепленный к конфете (*конфетный билет*) и т. д.

Таким образом, к концу XIX в. лексема *билет* в связи с максимальным расширением спектра значений и ассоциаций, возникших в том числе в результате вхождения слова в состав таких устойчивых сочетаний, как *лотерейный билет*, *белый билет*, *волчий билет*, *желтый билет*, *скорбный билет* и т. п., постепенно обрела всё большую концептуальную значимость.

Апогеем семантической эволюции лексемы *билет* в русском литературном языке, по-видимому, следует считать ее метафорическое употребление Ф. М. Достоевским. Как отмечает Ю. Н. Караулов, язык Достоевского «знаменует собой отдельный,

самостоятельный этап развития русского литературного языка, — этап, который воплощает особенности переходного периода от языка русской классики к современному русскому литературному языку» [Караулов 2008: IX].

Лексема *билет* в Полном собрании сочинений, документов и писем Достоевского (ПСС в 30 т.) встречается 190 раз, т. е. является весьма частотной, в том числе 115 — в прозаических текстах; 28 — в публицистике; 47 — в личных и официальных письмах. Высокая частотность слова *билет* обусловила его включение в «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий» в качестве значимой для идиолекта писателя *идиоглоссы* — сложной тезаурусобразующей единицы когнитивного плана, в которой «синкретически объединены лексическая семантика и знания о мире» [Там же: X]. Вместе с тем «с подачи» Достоевского, расширившего границы лексической сочетаемости слова *билет* и показавшего возможности его качественно нового философско-метафорического употребления, благодаря присущему писателю эстетическому вкусу и языковому чутью значимость этой идиоглоссы в его идиолекте возросла до лингвокультурной значимости прецедентного феномена.

В произведениях Достоевского лексема *билет* имеет широкий диапазон лексической сочетаемости с нарицательными и собственными существительными: *делегат, займ, рубль, театр, концерт, рука, бенефис, вход, вечер, выезд, граница, деньги, жительство, поезд, пропуск, ванны, церемония, заседание, получение, Павловск, Баунов, Гири* и т. п.

По наблюдениям И. Б. Дягилевой, в период наивысшей актуальности лексемы *билет* в русском языке, а следовательно и «пика» возможностей ее лексико-грамматической сочетаемости (т. е. до 1917 г.), наиболее частотными были «адъективные сочетания: прилагательное + существительное (*коночный билет, входной билет, свадебный билет, сотенный билет* и др.)» [Дягилева 2008: 163]. У Достоевского существительное *билет* употребляется преимущественно в сочетании с относительными прилагательными из финансово-деловой сферы: *рублевый, трехрублевый, десятирублевый, двадцатипятирублевый, пятитысячный кредитный, тысячефранковый, банковый, пятипроцентный, безыменный, временный, радужный*. Последнее слово имеет

²² СП. С. 99.

²³ На спине извозчиков висит на ремешке белый жестяной *билет* с номером. (А. Ф. Кони. Воспоминания старожил: мемуары).

хотя и не прямое, но в большей степени от-носительное значение, так как обозначает не столько цвет, сколько номинал денеж-ной единицы: *радужной* называли купюру достоинством в 100 рублей, на которой была изображена Екатерина II (также эту купюру называли *катенькой*).

Качественные прилагательные у Досто-евского в сочетании с *билет* тоже неред-ки: *разный, дрянной, особый, обыкновенный, старый, последний, почетный, фальшивый* и т. п.

Вместе с тем вклад Достоевского в рас-ширение семантического поля лексемы *билет* состоит в том, что писатель дал образ-цы ее валентности, являющейся «скры-той возможностью, существующей в сло-ве, в его субстанции, которая реализуется в речи» [Расулов 2022], прежде всего с гла-голами. Именно эта часть речи лидирует в рейтинге валентности данного слова в текстах писателя. В идиоглоссарии приве-дено свыше 60 глагольных лексем, с кото-рыми у Достоевского сочетается существи-тельное *билет*:

брать, возратить, вымолить, вынуть, выпро-сить, дать, держать, добыть, заложить, заплатить, иметь, комкать, менять, объяснить, отдать, ото-брать, подделывать, поехать, получать, попро-сить, послать, принимать, принести, провести, продать, проиграть, раздать, разменять, разо-брать, распахнуться, расхватать, сжечь, спрятать, устроить и др.

При анализе самостоятельных значе-ний и семантических оттенков лексемы *би-лет* в текстах Достоевского выясняется, что они существенно разнообразнее тех, что представлены в идиоглоссарии. В нем за-фиксированы только два ЛСВ слова *билет*: 1. Бумажный денежный знак. 2. Документ, удостоверяющий право пользования чем-л. (обычно за плату). Первая дефиниция ока-зывается неоправданно суженной до од-ного лишь «бумажного денежного знака» определенного номинала²⁴, между тем как

во времена Достоевского *билетом* называли также облигацию внутреннего государствен-ного займа, при этом наиболее популярной была пятипроцентная сторублевая облига-ция, приносившая дважды в год 5 % дохода и, когда проводился ежегодный розыгрыш, дававшая шанс выиграть в лотерею (билеты государственного займа называли также *ло-терейными*) крупную для тех времен сумму — до 200 000 р. Наиболее ценными и надежны-ми считались *билеты* (облигации) послед-него, новейшего займа, поскольку они не могли стать в ближайшее время погашенны-ми государством, т. е. *выйти в тираж* (этот фразеологизм в тогда еще исконном, бук-вальном значении также входил в семанти-ческое поле лексемы *билет*) и тем самым ли-шить их обладателя возможности выигрыша и дохода.

Именно в «финансовом» значении (об-лигация) используют в большинстве слу-чаев слово *билет* герои Достоевского (на-пример, в романах «Преступление и на-казание», «Игрок» и др.) и сам писатель в ряде писем, что подтверждается примера-ми в идиоглоссарии:

Насоветовавшись с своей муттер, он [немец] потребовал за своего крокодила пятьдесят тысяч рублей билетами *последнего внутреннего займа с лотерею*, каменный дом в Гороховой и при нем собственную аптеку и, вдобавок, — чин рус-ского полковника (Кр 200)²⁵.

Контекстуальное употребление прила-гательного *последнего* подчеркивает непо-мерную завышенность требований прагма-тического немца, что способствует усилению иронической экспрессии в данном фраг-менте рассказа «Крокодил». Ср. с приме-ром из романа «Идиот»:

Другие говорили, что наследство получил какой-то генерал, а женился на заезжей фран-цуженке и известной канканерке русский куп-чик и несметный богач, и на свадьбе своей, из одной похвальбы, пьяный, сжег на свечке ровно

²⁴ С 1843 г. в связи с установлением твердого курса серебряного рубля бумажные ассигнации были заменены государственными *кредитными билетами* с надписью: «Предъявителю выдается из разменных касс (далее указывался номи-нал — напр., 1 рубль. — О. В.) звонкою монетою». Бывшие до этого в обращении бумажные деньги

обменивались на обеспеченные серебром кре-дитные билеты по курсу 3,5 рубля ассигнациями за 1 кредитный рубль. Таким образом, термино-логические сочетания *кредитный билет* и *банко-вый билет* в эпоху Достоевского стали синони-мичными.

²⁵ Идиоглоссарий. Т. 1. С. 154.

на семьсот тысяч билетов *последнего лотерейного займа*. (Ид 150)²⁶.

Второе значение — ‘документ, удостоверяющий право пользования чем-л. (обычно за плату)’ — тоже не отражает всего семантического спектра «нефинансового» употребления слова в текстах Достоевского. Билет на выезд за границу, на поезд, пароход, в театр, суд или на бал в дворянское собрание соответствует в целом дефиниции «пользование за плату» (определенными услугами), однако ей не соответствует билет-паспорт, билет-жребий и любой билет, удостоверяющий статус личности, ее права и обязанности, род занятий, принадлежность к какой-л. социальной группе или организации, а также билет, который удостоверяет не право пользования платными услугами, а право на получение платы за собственные услуги (для лиц определенной профессии: учителя, врача и т. п.). Самостоятельность этих значений зафиксирована в ТСЕ, СЦСРЯ, словаре Даля и СП. В самом идиоглоссарии есть примеры употребления лексемы *билет* (в «Преступлении и наказании» и «Дневнике писателя») в значениях, которые не соответствуют сформулированной составителями второй дефиниции:

В третьем этаже, по всем приметам, квартира, что прямо под старухины, тоже пустая: *визитный билет*, прибитый к дверям гвоздочками, снят — выехали! (ПН 61)²⁷;

Всякий знает, что такое чиновник русский, из тех особенно, которые имеют ежедневно дело с публикою... Это нечто высокомерное и гордое, как Юпитер. Особенно это наблюдается в самой мелкой букашке, вот из тех, которые сидят и дают публике справки, принимают от вас деньги и выдают билеты и проч. Посмотрите на него, вот он занят делом, «при деле»: публика толпится, составил хвост, каждый жаждет получить свою справку, ответ, квитанцию, взять билет (ДП 23: 75)²⁸.

В первом случае *билет* в сочетании с *визитный* имеет еще один семантический оттенок, не отмеченный в словарях: «табличка с указанием имени лица, проживающего по данному адресу», расширяющий представление о семантическом поле данного слова во времена Достоевского.

Во втором примере *билет* имеет семантику «справка, удостоверение личности». Слово *билет* органично входит здесь в общий иронический контекст.

В произведениях Ф. М. Достоевского наблюдается не только широкий диапазон лексической сочетаемости, разнообразие ЛСВ и семантических оттенков лексемы *билет*, но и — начиная с повестей и рассказов 1848–1859 гг. — постепенное нарастание ее художественной нагрузки. В повестях «Белые ночи» и «Неточка Незванова» *билет* становится важной сюжетной деталью в судьбе героинь. Билет на «Севильского цирюльника» способствует зарождению любви в сердце Настеньки, а для Неточки Незвановой пригласительный билет на выступление *знаменитого С-ца* предопределяет ее воспитание в семействе *князя Х-го*. Метафоричность слова *билет*, как и образно-символическое его значение, в этих произведениях пока еще едва ощутимы в общей романтической атмосфере текста.

Обретению словом концептуальной значимости в идиолекте должно предшествовать возникновение и закрепление у словесного образа знаковости, эмблематичности и философской глубины, что в полной мере проявляется в текстах Достоевского. До него лексема *билет* употреблялась с метафорическим оттенком преимущественно в сочетании с прилагательным *лотерейный* или существительным *лотерея* при образном обозначении удачи, везения в жизни вообще или в чем-то конкретном. Источником этого метафорического образа была западноевропейская литература. В русском языке образ счастливого лотерейного билета стал широко популярным в XIX в. В полной мере отражает метафорическое осмысление лексемы риторическое восклицание в «Портрете» (1834) Н. В. Гоголя²⁹: *Хвала вам, художник! вы вынули счастливый билет из лотереи*. Эта популярность вызвала полемику в прогрессивных кругах общества. В частности, В. А. Жуковский считал сравнение жизни с лотереей чуждым русским православным традициям и предлагал взамен другую метафору: *...жизнь не билет лотерейный, вынимаемый Паркою из*

²⁶ Идиоглоссарий. Т. 1. С. 154.

²⁷ Там же. С. 156.

²⁸ Там же. С. 155.

²⁹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 82.

урны *фатума*, а вечный жребий, благодарно даруемый свободной душе любовью и правосудием спасающего Бога [Жуковский 2012, XII: 393]. Тем не менее в середине и второй половине XIX в. лотерейный билет как символ удачи окончательно закрепляется в сознании современников.

Еще одно мефорическое употребление лексемы — «билет как пропуск в высший свет» — встречаем в начале века в «Записках современника» С. П. Жихарева:

Впрочем, без *билета* в маскарад не пускают, а мой «Артабан» должен мне служить *билетом* для входа в маскарад света; после, пожалуй, его хоть в печку — туда и дорога [Жихарев 1955: 227].

Признаки метафоричности лексемы есть и в сочетании *волчий билет* (документ, свидетельствующий о неблагонадежности человека), этимология которого затемнена. Сегодня так могут называть справку о судимости, отрицательную характеристику с предыдущего места работы, военный билет непригодного к службе в армии, включение лица, ищущего работу, в «черный список» для потенциального работодателя и т. п. Во второй половине XIX — начале XX в. так называли «документ с отметкой о неблагонадежности, препятствующий поступлению на государственную службу, в учебные заведения и т. п.»³⁰ По одной из версий, фразеологизм представляет собой стяженный вариант прозвища *волки Сухого оврага*, которым «окрестили» обитателей ночлежного дома «Сухой овраг», находившегося между Хитровской площадью и Свиныйским переулком в Москве. Среди этих ночлежников было много лиц, обладавших «волчьими паспортами» (документами, по которым нельзя было жить в Москве): мелких уголовников, нищих, административно высланных.

Однако фразеологизм *волчий билет* (= *вид*) возник как минимум за два десятилетия до появления этого ночлежного дома. В написанном в 1864–1866 гг. романе В. Крестовского «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных»³¹, который

можно было бы назвать энциклопедией лексических значений и семантических оттенков слова *билет*, находим:

Вересов не совсем-то охотно вытащил из кармана *билет*, выданный ему следователем при отпуске на поруки. Кавалер развернул и по складам стал разбирать его.

— Эге, брат, да это у тебя *вид-то волчий!* — проговорил он, подозрительно оглядывая молодого человека. — А еще к нам в артель просится: «Работы хочу! Места какого!» Кто ж тебя с *волчьим-то видом* на место возьмет, аль в работу какую?

Более раннее употребление выражения подтверждает и словарь Даля:

Волчий билет (народн.) — полугодовая отсрочка, выдаваемая приговоренным к ссылке преступникам, от которых общество отрывается³².

Интересно, что в первом издании словаря Даля (1863) в словообразовательном гнезде *волк* среди сочетаний и значений прилагательного *волчий* еще нет коллокаций *волчий билет* и *волчий садок*. В СЦСРЯ (1847) *волчий билет* также не зафиксирован. Эти факты могут свидетельствовать о том, что оборот *волчий билет* возник в русском языке не ранее второй половины XIX в. — скорее всего в 1860-е гг. Наиболее вероятной, с нашей точки зрения, представляется версия происхождения этого фразеологизма, согласно которой «человеку, получившему такой документ, не разрешалось жить на одном месте более 2–3 дней, и ему приходилось скитаться, подобно волку. Кроме этого, во многих сочетаниях *волчий* означает “ненормальный, нечеловеческий, звериный” (ср.: *волчий аппетит*, *волчьи законы*, *волчья ягода* и др.), что усиливает противопоставление обладателя волчьего билета прочим “нормальным” людям»³³.

Общеупотребительность, частотность реализации широкого спектра ее значений и ассоциативных связей позволили слову *билет* во второй половине XIX в. претендовать на статус лингвокультурного концепта. Достоевский острее других современников осознал возможности метафорического

³⁰ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 40.

³¹ Крестовский В. В. Петербургские трущобы: роман в 2 кн. Кн. 2. СПб.: Художественная литература, 1993. С. 299.

³² Даль В. И. Указ словаря. С. 237.

³³ Справочник по фразеологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/spravka/phrases/> (дата обращения: 20.12.2023).

использования лексемы *билет*. Тенденция к образному употреблению этого слова становилась в творчестве писателя всё более отчетливой от произведения к произведению. Так, очевидна метафоричность лексемы *билет* в демагогических словах одного из главных героев повести «Село Степанчиково и его обитатели» (1859) — Фомы Опискина, который ханжески интерпретирует предложенные ему кредитные билеты как попытку купить его «благородную» душу:

Рассыпьте ваши миллионы, устелите весь путь мой, всю большую дорогу вплоть до Москвы кредитными *билетами* — и я гордо, презрительно пройду по вашим *билетам*; эта самая нога, полковник, растопчет, загрязнит, раздавит эти *билеты*, и Фома Опискин будет сыт одним благородством своей души!³⁴

Здесь слово *билет* становится ключевым в лицемерной речи приживальщика, пронизанной ложным пафосом, и метафорически обозначает достойный лишь попраения ногами «презренный металл» как несоизмеримо ничтожную цену за душу якобы бескорыстного и высоконравственного человека. Эти высокопарные слова Опискина, отмечает Б. Н. Тихомиров, представляют собой аллюзию к десятой главе «Евангелия от Матфея»:

А если кто не примет вас, и не послушает слов ваших; то, выходя из того дома или из города, отрясите прах от ног ваших (Мф 10:14) [Евангелие Ф. М. Достоевского 2017, II: 200–201].

К 1866 г. частотность употребления лексемы *билет* Достоевским и ее метафоричность заметно возрастают. В романе «Игрок» (1866) *билет* употребляется 22 раза и метафорические оттенки (не столько авторские, сколько узуальные) имеют такие сочетания, как *банковые билеты*, *наставившие кучю*; *билетов гряда* и др. В «Преступлении и наказании» (1866) писатель использует существительное *билет* 31 раз (+ 7 раз диминутив *билетик*). В этом романе в наибольшей степени метафорически окрашено употребление лексемы *билет* (в устойчивом сочетании *желтый билет* — «документ, заменяющий паспорт у проституток»)

во фразе чиновника Мармеладова, отца Сони: *Когда единородная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошел...*, где выражение *пойти по желтому билету* символизирует грехопадение человека, на которое его толкают нужда и нищета, а также желание взять на себя, хоть немного облегчить тяжесть греха дочери³⁵. Само по себе сочетание *желтый билет* до Достоевского не имело какой-либо метафорической окраски, поскольку, как и *белый билет* (военный билет непригодного к службе в армии), было наименованием документа по характерному цветовому признаку.

Венцом тропеического использования лексемы *билет* следует признать ее употребление Достоевским в самом известном высказывании Ивана Карамазова о символически возвращенном им Богу билете на вход в будущую гармонию (билете как награде за безгрешную жизнь, христианское милосердие и всепрощение — даже хозяина псов, затравившего ими ребенка на глазах его матери):

Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. Лучше уж я останусь при неотмщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и неправ. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой *билет* на вход спешу возвратить обратно. <...> Не Бога я не принимаю, Алеша, я только *билет* ему почтительнейше возвращаю³⁶.

Думается, не случайно писатель сделал лексической доминантой этой яркой авторской метафоры именно слово *билет* — настолько, казалось бы, обыденное, к тому же ассоциативно связанное в том числе с «презренным металлом» (а значит, и с дьяволом, которому продают за деньги душу), что возвышение данного ключевого слова в контексте обращения к Богу достигает, контрастируя с бытовыми ассоциациями и пейоративными коннотациями, наибольшей экспрессии. Эти слова в романе «Братья Карамазовы» воспринимаются одновременно и как призыв

³⁴ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 3. Л., 1972. С. 85–86.

³⁵ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 6. Л., 1973. С. 14.

³⁶ Там же. Т. 14. Л., 1976. С. 223.

к идеальной, бескровной гармонии, и как нравственный бунт, богоборчество, состоящее в категорическом отрицании гармонии (= рая) уже в том случае, если плата за нее — лишь одна слезинка замученного невинного младенца.

Н. Бердяев осознавал антихристианскую идейную наполненность высказывания героя Ф. М. Достоевского. Философ писал:

Для христианского сознания страдания и слезы очищают душу. Это сознание не учит возвращать билет Богу, как того требует атеист Иван Карамазов во имя страданий людей, из невозможности осмыслить зло жизни;

...Божество, которое лишило бы своей близости все человеческие поколения и которое допустило бы к своей близости лишь поколение, стоящее на вершине истории, было бы Божеством вампирическим, в нем была бы неправда и насилие по отношению к большей части человечества. На этом основании Иван Карамазов возвращает свой билет Богу [Бердяев 2012: 68, 482].

С. Н. Булгаков выступает в большей степени как апологет Ивана Карамазова. В статье «Основные проблемы теории прогресса» философ находит оправдание радикальной позиции героя Достоевского:

Наличность страдания с эвдемонистической точки зрения есть абсолютное зло, и этим абсолютным злом не может и не должно быть куплено будущее счастье. Мир, который был бы устроен подобным образом и на подобных началах, не стоил бы того, чтобы в нем жить уважающему себя человеку. Ему остается «почтительнейше возвратить билет» [Булгаков 1993, 2: 70].

Художественное осмысление образа возвращенного Богу билета также многопланово. Н. Гумилев переакцентировал слова Ивана Карамазова с отказа от билета на покупку билета в «Индию духа» в стихотворении «Заблудившийся трамвай»³⁷, а З. Гиппиус в стихотворении «Рай (в альбом *** в СПб-ге)»³⁸ использует высказывание о возвращенном Богу билете в качестве эпиграфа, отсылающего к традиции Ф. М. Достоевского [...*почтительнейше билет возвращаю...*

(Ив. Карамазов)]. Реминисценция слов Ивана Карамазова в стихотворении «О слезы на глазах!..» (1939) М. Цветаевой³⁹ (цикл «Стихи к Чехии») стала реакцией на новую безумную жестокость мира, связанную с приходом к власти фашистов:

О, черная гора,
Затмившая весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Нами приведена только малая часть высказываний русских философов и писателей, апеллировавших к словам Ивана Карамазова о возвращенном Богу билете. Они озаменовали обретение словом *билет* ореола прецедентного феномена в русском литературном языке.

Выводы. К середине XIX в. лексема *билет* достигла пика семантической эволюции в русском языке. Существенно расширилось семантическое поле, возросло количество ЛСВ и семантических оттенков слова: *билетом* стали называть практически любой листок и даже жетон с каким-либо текстом. Таким образом, значимость слова в общенациональном русском языке постепенно приближалась к концептуальной. В последней четверти XIX в. благодаря языку произведений Достоевского, в которых не только продемонстрированы широкие возможности лексической сочетаемости лексемы, но и, что гораздо важнее, даны лучшие образцы ее метафорического употребления, значимость лексемы *билет* как идиоглоссы в идиолекте писателя, ставшего выразителем принципов духовной жизни русского народа, возросла до лингвокультурной значимости прецедентного феномена.

В идиолекте Ф. М. Достоевского постепенно — от произведения к произведению — увеличивается метафорическая, онтологическая, идейно-философская нагрузка лексемы *билет*, достигая в романе «Братья Карамазовы» апогея в образе возвращенного Богу билета, давшем мощный импульс развитию русской философской мысли и получившем философское и художественное осмысление в текстах Н. Бердяева, С. Булгакова, Н. Гумилева, З. Гиппиус, М. Цветаевой и др.

³⁷ Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. С. 81.

³⁸ Гиппиус З. Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6: Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. М.: Русская книга, 2002. С. 492.

³⁹ Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Эллис Лак, 1994. С. 360.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алевиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
4. Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 752 с.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. 64 с.
6. Дягилева И. Б. Лексема билет в составных наименованиях (на материале русского языка XIX века) // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. научных трудов. Ч. 1. Вологда, 2008. С. 162–167.
7. Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию; Сибирская тетрадь Достоевского / В. Н. Захаров, В. Ф. Молчанов, Б. Н. Тихомиров [и др.]. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. 1084 с.
8. Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 837 с.
9. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 12. М.: Языки славянских культур, 2012. 543 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
11. Караулов Ю. Н. От редактора // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуконик, 2008. С. IX–X.
12. Колесов В. В. О логике логоса в сфере ментальности // Мир русского слова. 2000. № 2. С. 52–59.
13. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12: Статьи, заметки, выступления, ноябрь 1917–1930. М.: Художественная литература, 1959. 716 с.
14. Расулов Р. Валентность слова и синтаксическая связь // Экономика и социум. 2022. № 5(96) [Электронный ресурс]. URL: www.iurp.ru (дата обращения: 08.12.2023).
15. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1965. 355 с.
16. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М: Флинта; Наука, 2004. 264 с.

17. Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1959. 743 с.

18. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 328 с.

19. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: в 2 т. / науч. ред. Н. В. Поньрко. М.: Языки славянских культур, 2008.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. The poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture. Moscow: Academia, 2002. 394 p. (In Russ.)

2. Babushkin A. P. Types of concepts in lexical-phraseological semantics of language. Voronezh: Voronezh State University Press, 1996. 103 p. (In Russ.)

3. Berdyaev N. A. Philosophy of inequality. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2012. 624 p. (In Russ.)

4. Bulgakov S. N. Selected articles. Bulgakov S. N. Sochineniya: v 2 t. = Works: in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1993. 752 p. (In Russ.)

5. Vorkachev S. G. Linguoculturology, linguistic personality, concept. Formation of anthropocentric paradigm in linguistics. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences*. 2001;(1):64–72. (In Russ.)

6. Dyagileva I. B. Lexeme ticket in compound names (on the material of the Russian language of the 19th century). *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: sb. nauchnykh trudov. Ch. 1 = Word and text in the cultural consciousness of the epoch: collection of scientific works. Pt. 1*. Vologda: Vologda State University Press, 2008. P. 162–167. (In Russ.)

7. The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 vol. / comp. by V. N. Zakharov. Vol. 2: Studies. Materials for commentary; Dostoevsky's Siberian Notebook. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobolska, 2017. 1084 p. (In Russ.)

8. Zhikharev S. P. Notes of a contemporary. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955. 837 p. (In Russ.)

9. Zhukovsky V. A. Complete collection of works and letters: in 20 vol. Vol. 12. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. 543 p. (In Russ.)

10. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 476 p. (In Russ.)

11. Karaulov Y. N. Editor's note. *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossarii. A–V / gl. red. Yu. N. Karaulov = Dictionary of Dostoevsky's language. Idioglossary. A–V / Y. N. Karaulov (ed.)*. Moscow: Azbukovnik, 2008. P. IX–X. (In Russ.)

12. *Kolesov V. V.* On the logic of logos in the sphere of mentality. *Mir russkogo slova = World of the Russian Word*. 2000;(2):52–59. (In Russ.)

13. *Mayakovsky V. V.* Complete collection of works: in 13 vol. Vol. 12: Articles, notes, speeches, November 1917–1930. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1959. 716 p. (In Russ.)

14. *Rasulov R.* Valence of the word and syntactical connection. *Ekonomika i sotsium = Economy and Society*. 2022;(5) [Electronic resource]. URL: <https://www.iupr.ru/5-96-2022> (accessed: 08.12.2023). (In Russ.)

15. *Stepanov Yu. S.* French stylistics. Moscow: Vysshaya shkola, 1965. 355 p. (In Russ.)

16. *Fedosyuk Yu. A.* What is unclear in the classics, or Encyclopedia of Russian life of the 19th century Moscow: Flinta: Nauka Publ., 204. 264 p. (In Russ.)

17. *Fonvizin D. I.* Collected works: in 2 vol. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1959. 743 p. (In Russ.)

18. *Shansky N. M.* Lexicology of the modern Russian language. Moscow: Prosveshchenie, 1972. 328 p. (In Russ.)

19. *Yukhimenko E. M.* Literary heritage of the Vygovsky Old Believer community: in 2 vol. / N. V. Ponyrko (ed.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 688 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Олег Евгеньевич Вороничев, доктор филологических наук, доцент

Oleg E. Voronichev, Doctor of Sciences (Philology), Assistant professor

Андрей Владимирович Шаравин, доктор филологических наук, доцент, профессор

Andrey V. Sharavin Doctor of Sciences (Philology), Assistant professor, Professor

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 18.03.2024.